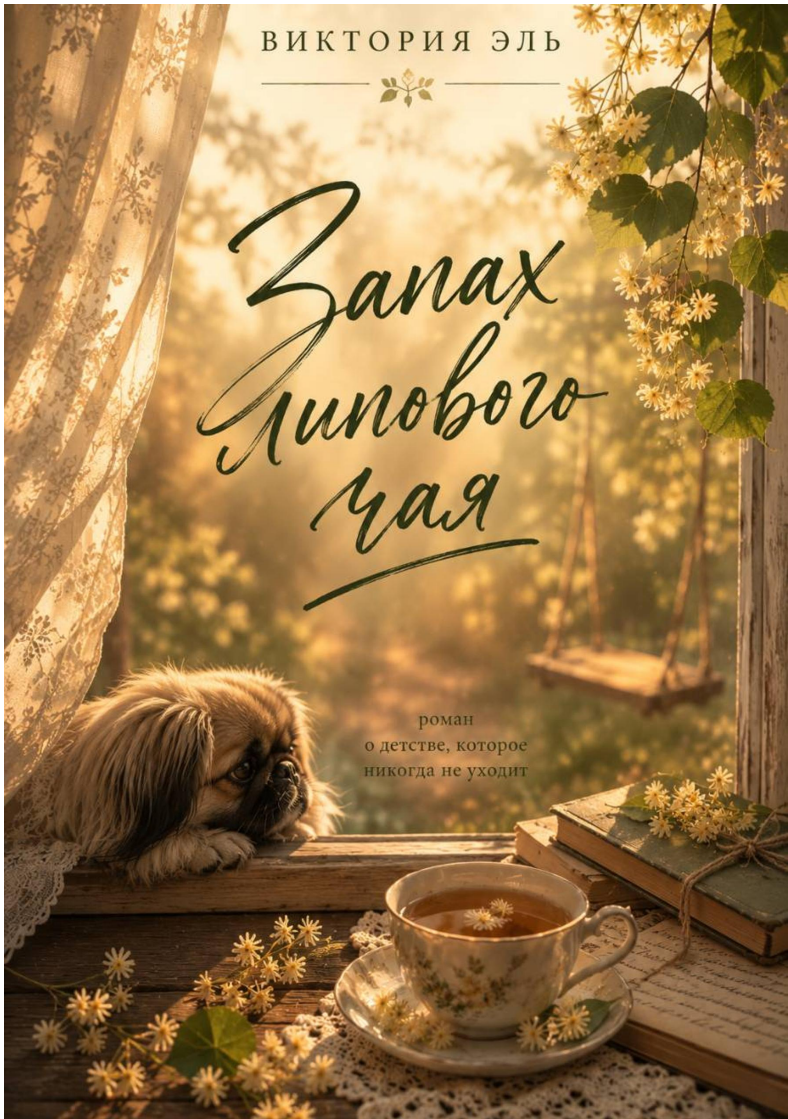

ВИКТОРИЯ ЭЛЬ

Запах липового чая

роман
о детстве, которое
никогда не уходит

Виктория Эль

Запах липового чая

<https://litres.ru/74084616>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда прошлое не остаётся позади — оно просто ждёт своего часа, чтобы вернуться.

Это история женщины, чья жизнь началась там, где детство было слишком тяжёлым, а взросление — слишком ранним. История о любви, которая становится судьбой, о боли, которая не отпускает годами, и о памяти, из которой невозможно выйти.

И о запахе липового чая — как о единственном месте, где всё ещё можно почувствовать себя дома.

Виктория Эль

Запах липового чая

Глава 1. Память начинается с неба

Конечно, я не помню ночь своего рождения.

Но если попытаться представить её сейчас, спустя столько лет, мне кажется, она была именно такой.

В доме ещё стояла наряженная ёлка. На её ветках поблёскивали старые стеклянные игрушки, серебристый дождик и мишура. Где-то между ними висели шоколадные конфеты, которые дети потом незаметно снимали, пока взрослые делали вид, что ничего не замечают.

Тихо мигала гирлянда.

На фоне негромко работал старый чёрно-белый телевизор.

В комнате пахло хвоей, мандаринами и тем особенным теплом, которое бывает только в длинные зимние праздники.

За окном стоял мороз.

На стекле медленно появлялись узоры.

Город спал.

Никуда не нужно было спешить.

Новый год уже наступил, но праздник ещё не ушёл из до-

мов.

Он словно задержался ещё ненадолго, чтобы люди успели проводить старый год, поблагодарить его за всё хорошее и, затаив дыхание, сделать первый шаг навстречу новому.

Это была ночь на Старый Новый год.

Именно в ту ночь, в самом конце восьмидесятых, в нашей семье появилась я.

Позже папа рассказывал, как не находил себе места.

Тогда ещё не было мобильных телефонов, да и домашний телефон был далеко не в каждой квартире.

Он снова и снова бегал к соседям, чтобы позвонить в роддом и узнать, не родилась ли уже его дочь.

Наверное, каждый раз, возвращаясь по тихой заснеженной улице, он надеялся услышать:

— У вас девочка.

Мне очень нравится представлять его именно таким.

Молодым.

Взволнованным.

Немного растерянным.

И очень счастливым.

Он ещё не знал, какой станет его дочь.

Для него это была просто ночь, когда на свет появился первый ребёнок.

И мне очень хочется верить, что моя история началась именно так.

С любви.

С ожидания.

С молодого папы, который бежал по морозной улице к соседскому телефону, чтобы узнать, что где-то совсем рядом родилась маленькая девочка, которой однажды предстоит рассказать эту историю.

Моё первое яркое воспоминание — аэропорт.

Мне было четыре года.

Вокруг ходили незнакомые люди, гремели чемоданы, из динамиков что-то объявляли, а родители куда-то ушли, оставив меня в детской комнате.

Я до сих пор помню тот страх.

Мне казалось, что они не вернуться.

Что я потеряюсь среди всех этих людей и останусь одна.

Я сидела и плакала, не сводя глаз с двери.

Каждая открывающаяся дверь заставляла меня вздрагивать.

А потом появилась мама.

И мир снова стал безопасным.

В тот день мы улетали из Сургута.

Самолёт был необычным.

Почтовым.

Вместо привычных рядов кресел вокруг лежали огромные почтовые мешки и коробки с посылками.

Я прижалась щекой к холодному стеклу иллюминатора.

От дыхания на нём оставался маленький мутный кружок, который быстро исчезал.

За окном медленно плыли облака.

Под нами оставался Сургут — белый, холодный, с бескрайним снегом, который тогда казался мне целым миром.

Я почему-то была уверена, что все эти письма летят к Деду Морозу.

В каждом конверте была спрятана чья-то мечта.

Кто-то просил новую куклу.

Кто-то — машинку.

Кто-то — щенка.

А кто-то, наверное, просто хотел, чтобы его самое заветное желание обязательно сбылось.

И тогда я будто летела вместе с этими мечтами.

Ещё немного — и мы окажемся в какой-то волшебной стране, где Дед Мороз будет открывать письма одно за другим и читать детские желания.

Я была уверена, что взрослые знают, где находится это место.

Просто никому не рассказывают.

На самом деле мы летели в родной город родителей, к бабушке и дедушке.

Но в четыре года я была совершенно уверена, что лечу туда, где исполняются самые заветные желания.

Там, в Сургуте, оставалась женщина с толстой чёрной косой, которую я боялась больше всех на свете.

Пока родители работали, меня оставляли у неё.

Даже спустя десятилетия я помню её тяжёлый взгляд.

И свой страх.

Страх, который невозможно объяснить взрослым, когда тебе всего несколько лет.

Я старалась сидеть тихо, не шуметь, не задавать лишних вопросов, не трогать вещи.

Я всё время боялась сделать что-нибудь не так.

Мама каждый вечер приходила за мной.

Я ждала этого момента весь день.

Стоило увидеть её в дверях, как я знала — день почти закончился, скоро мы пойдём домой.

Я семенила рядом маленькими ножками по хрустящему снегу, стараясь не отставать.

— Мам, я не хочу к ней больше идти.

— Почему?

— Она плохая.

Мама устало вздыхала.

— Опять ты выдумываешь.

И брала меня за руку.

Наверное, она просто уставала после работы.

Наверное, ей было трудно представить, что маленький ребёнок может так сильно бояться взрослого человека.

Но тогда мне казалось, что меня никто не слышит.

Когда мы прилетели, нас встретил новый город.

Тёплый.

Солнечный.

Яркий.

А потом мы приехали в дом бабушки и дедушки.

Он показался мне живым.

Там было много комнат.

Большой двор.

Постоянные разговоры взрослых.

Стук посуды на кухне.

Запах супа, пирогов и чего-то домашнего, чему я до сих пор не могу подобрать название.

Мне тогда казалось, что этот дом никогда не бывает пустым.

Позже там родилась моя младшая сестра.

А сам город навсегда остался в моей памяти вкусом детства.

Свежим хлебом из булочной.

Пылью, нагретой солнцем.

Квасом из огромных жёлтых бочек, возле которых в жаркие дни всегда собирались люди.

Газированной водой из автомата, где несколько монет превращались в маленькое чудо.

Молоком в треугольных пакетах.

Кефиром в стеклянных бутылках с крышками из фольги, которые так хотелось проткнуть пальцем.

И сливочным мороженым в вафельном стаканчике, вкус которого я помню до сих пор.

Но дети редко понимают, какие разговоры ведут взрослые за закрытыми дверями.

Мама работала диспетчером в трамвайном депо.

Отец перебивался случайными заработками.

Денег постоянно не хватало.

Я не понимала причин их ссор, но чувствовала напряжение, которое постепенно заполняло дом.

Иногда ночью я слышала их голоса.

Тихие сначала.

Потом громче.

А утром они делали вид, что ничего не произошло.

Со временем отец ушёл.

Не в один день.

Не после громкого скандала.

Просто однажды его стало меньше в нашей жизни.

А потом появился другой мужчина.

Сначала он просто приходил в гости.

Сидел за столом.

Пил чай.

О чём-то разговаривал с мамой.

Я наблюдала за ним исподтишка и никак не могла понять, почему его присутствие вызывает у меня тревогу.

Тогда я ещё не знала, что с его появлением закончится одна глава моего детства.

И начнётся другая.

Та, которую я ещё долго буду вспоминать по ночам.

Глава 2. Дом, в котором ждали шагов

Мы переехали в квартиру отчима осенью.

Я хорошо помню тот день.

Квартира показалась мне странной и чужой.

В комнатах почти не было мебели. На окнах не висели занавески, и от этого дом казался голым. На кухне стояла всего одна табуретка. Мне тогда казалось удивительным, как может жить человек, у которого на кухне только один стул.

Мы с сестрой ходили по комнатам, разглядывая новое жильё.

В прихожей стояла старая швейная машинка в деревянном столике с тяжёлой крышкой.

Любопытство победило.

Мы подошли посмотреть, что внутри.

Я взялась за одну сторону крышки, сестра за другую.

Она оказалась гораздо тяжелее, чем мы думали.

Крышка выскользнула из рук и с грохотом ударилась о пол.

Звук прогремел на всю квартиру.

Мы замерли.

А через секунду слышали голос отчима.

Первый раз в жизни он кричал на меня.

Я уже не помню его слов.

Помню только, как испугалась.

И поняла, что в этом доме лучше ничего не трогать без разрешения.

Отчим оказался человеком строгим и жёстким. Со временем в нашей семье родился ещё и брат. Казалось бы, семья становилась больше, но вместе с этим росло и напряжение.

Отчим много работал. Он редко сидел без дела и всегда приносил деньги в дом. Но была другая сторона его жизни — алкоголь. И именно она определяла атмосферу в нашем доме.

Каждый вечер мы ждали его возвращения с работы. Это ожидание не было радостным. Мы прислушивались к звукам за дверью и пытались угадать его состояние ещё до того, как он переступит порог.

Если он приходил трезвым, вечер мог пройти спокойно. Но если он был пьян, никто не знал, чем закончится ночь.

Страх стал частью нашей повседневной жизни. Мы ложились спать не в пижамах, а в обычной одежде. Детский разум быстро усвоил правило: если среди ночи придётся убежать из дома, нельзя терять время на сборы.

Я видела, как он поднимал руку на маму. И каждый раз внутри меня всё протестовало против этой несправедливости. Я не могла молчать. Даже будучи ребёнком, я пыталась заступаться за неё, защищать её так, как умела.

Каждая моя попытка заступиться за маму словно делала меня для него ещё более неудобной.

Иногда наказанием становилось то, что он выгонял меня на улицу. Зимой. Почти без верхней одежды. Я до сих пор помню этот холод, который пробирал до костей. Но ещё

сильнее запомнилось другое чувство — осознание того, что дома меня никто не защищает.

Мне казалось, что я постоянно нахожусь на линии огня. Любое слово могло вызвать его гнев. Любая попытка защитить маму могла обернуться наказанием.

При этом к моей сестре и брату он относился иначе. Их он почти не трогал. Возможно, потому что они старались не вмешиваться, молчали и держались в стороне. А я не могла. Даже когда было страшно, я не могла спокойно смотреть на то, что происходило.

Наверное, именно тогда во мне начал формироваться характер. Спустя много лет я поняла, что способность противостоять несправедливости рождается не из смелости. Иногда она рождается просто потому, что однажды уже невозможно молчать.

Особенно ярко мне запомнился один Новый год.

Мама готовилась к празднику заранее. Денег в семье всегда не хватало, поэтому праздничный стол был чем-то особенным. В тот год она запекла кролика. Для нас, детей, это было настоящее новогоднее чудо. По дому разносился аромат еды, мама суежилась на кухне, а мы с нетерпением ждали вечера.

Когда блюдо поставили на стол, мы не удержались. Мы были детьми и просто отщипнули по маленькому кусочку, не дождавшись взрослых.

В этот момент домой пришёл отчим.

Увидев, что мы прикоснулись к еде раньше него, он пришёл в ярость. Не говоря почти ни слова, схватил блюдо с кроликом и выбросил его в унитаз.

Я до сих пор помню чувство шока. Мы стояли и смотрели, как праздничный ужин, которого так ждала мама и которому так радовались дети, исчезает на наших глазах.

Но на этом всё не закончилось.

Я расплакалась. Для ребёнка это было слишком обидно и несправедливо. Моё горе и слёзы раздражали его ещё больше. Чтобы я не «портила настроение» остальным, меня закрыли в спальне.

Так я встретила Новый год одна.

В тёмной комнате.

Без ёлки, без праздничного стола, без поздравлений.

Помню только стакан воды рядом и звуки праздника за дверью. Где-то в другой части квартиры люди поднимали бокалы, звучали голоса и, возможно, смех. А я сидела одна и плакала, пытаюсь понять, чем заслужила такое наказание.

Наверное, тогда я впервые почувствовала себя по-настоящему одинокой.

Я не винила маму. Даже ребёнком я видела, как она живёт. Видела её страх, её постоянное напряжение. Она почти никогда не возражала ему. Не потому, что была согласна, а потому, что боялась. Боялась скандалов, побоев, последствий. Поэтому чаще всего терпела и молчала.

В детстве мне казалось, что взрослые могут всё исправить.

Но постепенно я начала понимать, что некоторые взрослые сами нуждаются в спасении.

И хотя прошло много лет, тот Новый год остался со мной навсегда. Не из-за кролика и не из-за испорченного праздника. Потому что именно тогда я впервые почувствовала, что за семейным столом для меня как будто не осталось места.

Глава. Запах липового чая

Если меня спросить, как пахнет счастье, я отвечу не задуываясь.

Липовым чаем.

Каждое лето меня отправляли к бабушке.

И это было совсем другое время.

Словно существовала ещё одна жизнь, параллельная той, в которой был отчим, крики и страх.

У бабушки всё было иначе.

Во дворе росла большая липа.

Летом её цветы собирали, сушили, а потом всю зиму заваривали чай.

Бабушка всегда ставила на стол чашки, доставала конфеты и звала меня пить чай вместе с ней.

Мне казалось, что этот запах пропитывал весь дом.

Тёплый.

Сладковатый.

Спокойный.

Запах безопасности.

Запах детства.

Дедушка вечно что-то ремонтировал во дворе.

Особенно качели.

Они почему-то постоянно скрипели.

Он подтягивал гайки, ворчал себе под нос, проверял верёвки, а через неделю качели снова начинали скрипеть.

Я каталась на самокате по улице.

Качалась на качелях.

Бегала по двору.

И впервые чувствовала себя обычным ребёнком.

Не нянькой для младшего брата.

Не защитницей мамы.

Не девочкой, которая прислушивается к шагам пьяного
взрослого мужчины.

Просто ребёнком.

По вечерам мы с дедушкой сидели на улице и слушали
радио.

Сейчас я уже не помню, какие там были передачи.

Не помню песни.

Не помню голоса ведущих.

Но помню ощущение.

Тёплый летний вечер.

Старые качели.

Запах липы.

Тихо играющее радио.

И дедушка рядом.

Иногда я ложилась на траву и смотрела в небо.

Облака медленно плыли над головой, меняя форму: замки, корабли, сказочные звери.

Мне казалось, что там, высоко, есть волшебное царство.

Белое. Мягкое. Пушистое.

Наверное, по этим облакам можно было бегать.

Меня смущало только одно.

Как туда попасть?

Я решила, что всё очень просто.

Нужна лестница.

Очень длинная, до самого неба.

Я представляла, как осторожно ставлю первую ногу на облако, оно чуть пружинит, но не проваливается. Потом вторую. И вот я уже бегу, перепрыгивая с одного на другое, смеюсь и не боюсь упасть.

Мне казалось, что нужна только длинная лестница.

Просто никто ещё не построил её.

И я решила, что, когда вырасту, обязательно найду её сама.

Наверное, именно тогда я была счастлива.

По-настоящему счастлива.

Без условий.

Без тревоги.

Без ожидания беды.

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь потом была поиском именно этого чувства.

Не большой любви.

Не богатства.

Не успеха.

А того простого спокойствия, которое когда-то жило в маленьком бабушкином дворе.

Прошло много лет.

Нет уже тех вечеров.

Нет дедушки.

Нет того детства.

Но стоит мне почувствовать запах липового чая, и на мгновение всё возвращается.

Скрипят качели.

Трещит радио.

Бабушка ставит на стол чашки и конфеты.

А я снова становлюсь маленькой девочкой, у которой впереди целое лето.

Глава 3. Те, кого я не смогла спасти

В детстве мне всегда было жалко животных.

Во дворе постоянно появлялись котята.

Они вылезали из подвалов, прятались под лавками, пищали где-то в кустах. Мне казалось, что все они потерялись и

ждут, когда кто-нибудь их найдёт.

Однажды мы с сестрой принесли домой очередного котёнка.

Он был совсем маленький. Серый, с грязным носом и огромными ушами. Я спрятала его под кроватью и вынесла блюдо молока.

Мы сидели рядом и шёпотом придумывали ему имя.

Но долго прятать животных в нашем доме было невозможно.

Я слышала шаги отчима ещё в прихожей.

Помню, как внутри всё похолодело.

Помню, как котёнок испуганно прижался ко мне.

Помню своё отчаянное желание сделать хоть что-нибудь.

Спрятать его.

Защитить.

Унести.

Но мне было всего несколько лет.

Я не могла спасти даже себя.

Что уж говорить о маленьком бездомном котёнке.

...

Некоторых животных отчим убивал прямо у нас на глазах.

Выбрасывал с балкона так, словно это были ненужные вещи.

Я никогда не забуду тот ужас и беспомощность.

Наверное, именно тогда я впервые поняла, что мир бывает жестоким.

Что слабых спасают не всегда.

Что любовь не всегда может защитить.

И что ребёнок иногда бессилен что-либо изменить.

Я плакала.

Просила.

Уговаривала.

Но каждый раз проигрывала.

И с каждым таким проигрышем внутри меня оставалось
чувство вины перед теми, кого я не смогла спасти.

Прошли годы.

Я выросла.

Сменила города, дома и людей вокруг себя.

Но что-то во мне осталось прежним.

Я до сих пор не могу пройти мимо голодной собаки или
испуганного котёнка.

Каждый из них напоминает мне о той маленькой девочке,
которая когда-то очень хотела спасти всех.

И не смогла.

Наверное, поэтому сейчас у меня так много собак.

Наверное, поэтому я кормлю бездомных животных, лечу
их и ищу им дом.

Люди иногда спрашивают, зачем мне всё это.

Я никогда не знаю, что ответить.

Потому что дело уже давно не в животных.

Каждая спасённая жизнь для меня — это маленькая по-
беда над той жестокостью, которую я увидела слишком рано.

И, возможно, таким образом я до сих пор пытаюсь спасти не только их.

Но и ту девочку, которая когда-то стояла во дворе с ко-тёнком на руках и верила, что любовь способна защитить от всего.

Глава 4. Детство, которого не было

Школьные годы редко вспоминаются мне как беззаботное время.

После уроков меня почти всегда ждал младший брат.

Постепенно это стало моей обязанностью. Такой привычной, что никто даже не спрашивал, хочу ли я сидеть с ребёнком или у меня есть свои дела.

Наверное, взрослым казалось, что ничего особенного не происходит.

Но детство состоит из мелочей.

Из прогулок.

Из друзей.

Из возможности просто выйти во двор и играть до самого вечера.

Мне этого часто не доставалось.

Я хорошо помню летние дни.

Брат засыпал у меня на руках, и я сидела неподвижно, боясь пошевелиться.

Иногда мне казалось, что я даже перестаю дышать.

Я задерживала дыхание и старалась двигаться как можно осторожнее, чтобы не разбудить его раньше времени.

За окном кипела жизнь.

Во дворе играли дети.

Слышались крики, смех, звон велосипедов.

Иногда кто-нибудь из ребят подходил под наши окна и кричал:

— Выходи гулять!

Я слышала.

Но не выходила.

Потому что не могла.

Потому что на моих руках спал брат.

Я сидела у окна и смотрела, как другие дети проживают своё детство.

А моё проходило где-то рядом, за стеклом.

Тогда я ещё не понимала, почему мне так обидно.

Не понимала, что ребёнок тоже имеет право быть ребёнком.

Мне казалось, что так и должно быть.

Что помогать взрослым — моя обязанность.

Что потерпеть ещё немного совсем не сложно.

Но таких «ещё немного» было слишком много.

И однажды я вдруг поняла, что детство заканчивается быстрее, чем успеваешь его заметить.

Глава 5. Колготки

Зимой у меня порвались последние колготки.

Обычная вещь.

Для большинства людей это вообще не событие.

Нужно просто купить новые.

Но в нашем доме всё было иначе.

Отчим контролировал каждую копейку.

Даже алименты, которые платил мой родной отец.

Я знала, что просить бесполезно.

Ответ уже был известен заранее.

Новых колготок мне не купили.

Утром я всё равно пошла в школу.

На улице стоял мороз.

Я шла по снегу и старалась натягивать пальто как можно

ниже, чтобы прикрыть голые колени.

Мне казалось, что никто не заметит.

Что нужно просто дойти до школы и пережить этот день.

Но заметили.

На уроке учительница посмотрела на меня и вдруг громко сказала на весь класс:

— Тебя что, разбудили, а одеть забыли?

Класс засмеялся.

А я сидела и чувствовала, как внутри всё сжимается.

Я могла бы рассказать правду.

Сказать, что у меня просто нет колготок.

Что дома денег на них не дают.

Что я не знаю, что делать.

Но мне было стыдно.

Почему-то стыдно было именно мне.

Не взрослым людям, которые оставили ребёнка зимой без самых обычных вещей.

Не человеку, который запрещал их покупать.

А мне.

Я сидела молча.

Потом заплакала.

Встала и ушла домой.

Наверное, сейчас я уже не помню ни фамилию той учительницы, ни тему урока.

Но помню чувство.

Когда тебе и так тяжело.

Когда ты и так делаешь всё возможное, чтобы никто не увидел твоей бедности.

А потом взрослый человек выставляет её напоказ перед всем классом.

В тот день я впервые поняла, что бедность — это не только отсутствие денег.

Иногда это ещё и одиночество.

Когда объяснить правду некому.

Или слишком стыдно.

Так проходили дни, месяцы, годы.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что моё детство во многом прошло мимо меня. Вместо чувства защищённо-

сти были постоянное напряжение и ответственность, которая легла на плечи слишком рано.

Страх стал настолько привычным состоянием, что я перестала замечать его присутствие. Он был со мной утром, днём и ночью. Я жила так долго, что мне казалось, будто по-другому просто не бывает.

Последствия появились неожиданно.

Когда мне было тринадцать лет, в моих волосах начала появляться седина.

Для подростка это было необычно. Для меня — ещё и болезненно. Я замечала всё больше серебристых прядей и понимала, что выгляжу не так, как мои сверстники.

Мама тоже это увидела.

Наверное, она понимала больше, чем говорила вслух. Возможно, она догадывалась, откуда взялась эта ранняя седина. Впервые за долгое время она разрешила мне покрасить волосы, чтобы скрыть её.

Я помню этот момент не потому, что мне хотелось изменить внешность. А потому, что краска скрывала не просто седые волосы. Она скрывала следы тех лет, которые оставили свой отпечаток слишком рано.

В тринадцать лет дети обычно начинают мечтать о будущем, влюбляться, строить планы и открывать для себя мир. А я уже носила на себе следы взрослой жизни, к которой никто меня не готовил.

И всё же где-то глубоко внутри оставалась надежда, что

однажды моя жизнь станет другой. Я ещё не знала, как и когда это произойдёт, но мысль о том, что впереди может быть что-то лучшее, помогала мне двигаться дальше.

Глава 6. Первая любовь

К девятому классу мне казалось, что моя жизнь уже давно расписана по одному и тому же сценарию. Школа, дом, обязанности, тревога и постоянное ожидание очередного скандала.

Но именно тогда произошло событие, которое изменило мой мир.

Незадолго до выпускных экзаменов я случайно познакомилась с мальчиком, который жил на соседней улице. Он был старше меня на два года. Сначала мы просто общались. Потом он стал помогать мне готовиться к экзаменам. Мы вместе разбирали задания, разговаривали, смеялись.

Постепенно наше общение стало чем-то большим.

Так в моей жизни появилась первая любовь.

До сих пор, вспоминая то время, я ощущаю тепло. После многих лет страха и напряжения рядом появился человек, с которым было легко. Не нужно было постоянно ждать неприятностей или быть настороже.

Мы много гуляли. Встречались после школы. Провожали друг друга домой. Казалось, что свободную минуту мы старались провести вместе. Иногда мы просто шли по улице и разговаривали обо всём на свете. И этих разговоров мне не

хватало больше всего в прежней жизни.

Рядом с ним я впервые почувствовала себя не девочкой, которая живёт в постоянном страхе, а обычной девушкой. Такой же, как тысячи других подростков.

Особенно ярко я помню свой выпускной.

Платья у меня не было. Его дала соседка. Оно казалось мне настоящим платьем принцессы: чёрный бархатный корсет, золотые рукава и пышная длинная юбка, похожая на балетную пачку.

Костя приехал к школе, перелез через забор, и мы вместе сбежали с выпускного.

Всю ночь гуляли.

На берегу реки я учила его танцевать вальс. Мы кружились в полной тишине, но музыка всё равно звучала. Наверное, она играла где-то внутри нас самих.

В ту ночь мы встретили наш первый рассвет.

Мы сидели на траве, смотрели, как медленно светлеет небо, строили планы и просто мечтали. Стало прохладно, и он молча накинул мне на плечи свою кофту.

Наверное, именно тогда я впервые почувствовала, что счастье может быть таким простым. Когда рядом человек, возле которого можно не бояться.

Но вместе со счастьем во мне жило и другое чувство — стыд.

Я стеснялась рассказать ему правду о своей семье.

Мне было страшно признаться, что дома меня ждёт от-

чим-алкоголик, что почти каждый вечер может закончиться скандалом. Мне было стыдно говорить о бедности, о том, как мы живём, о том, что происходило за закрытой дверью нашей квартиры.

Я боялась, что если он узнает всё, то посмотрит на меня иначе.

Поэтому я старалась скрывать эту часть своей жизни. Когда мы были вместе, я словно становилась другим человеком. На несколько часов я могла забыть о домашних проблемах и почувствовать себя счастливой.

Наверное, именно поэтому первая любовь остаётся в памяти навсегда. Не только потому, что это были первые сильные чувства. А потому, что рядом с этим человеком я впервые увидела жизнь без страха.

Мне казалось, что впереди нас ждёт большое и светлое будущее. В том возрасте верится, что любовь способна победить любые трудности и что самое тяжёлое уже осталось позади.

Я ещё не знала, что жизнь приготовила нам новые испытания и что взросление окажется намного сложнее, чем мне тогда представлялось.

Глава 7. Счастье в мелочах

Иногда меня спрашивают, какой день с Костей был самым счастливым.

И я никогда не знаю, что ответить.

У нас не было какого-то одного особенного дня.

Не было сказочных признаний.

Не было дорогих подарков.

Не было красивых историй, которые рассказывают детям в фильмах.

Просто рядом с ним счастливыми были почти все дни.

Мы гуляли по улицам.

Смотрели на звёзды.

Дурачились.

Смеялись над какими-то глупостями, которые сейчас уже и не вспомнить.

Шли рядом домой и могли разговаривать обо всём на свете.

А могли просто молчать.

И это тоже было хорошо.

Когда я была рядом с ним, мне не хотелось думать о том, что происходит дома.

Не хотелось бояться.

Не хотелось никому ничего доказывать.

Впервые в жизни можно было просто быть.

Наверное, именно поэтому я так долго хранила эту любовь.

Я скучала не по свиданиям.

Не по прогулкам.

Не по каким-то конкретным моментам.

Я скучала по ощущению счастья, которое жило внутри меня рядом с ним.

По той девочке, которая умела смотреть на звёзды и верила, что впереди у неё обязательно будет хорошая жизнь.

Иногда мне кажется, что вместе с Костей ушёл не человек.

Ушла целая эпоха моей жизни.

Последняя эпоха, когда счастье было таким простым.

Глава 8. Мечты о будущем

Наши отношения продолжались год за годом.

Школьная влюблённость постепенно превращалась в настоящую привязанность. Мы выросли вместе, строили планы и учились смотреть в будущее не поодиночке, а как пара.

За эти шесть лет многое изменилось.

Он окончил школу и поступил в университет. Я тоже закончила школу, но мой путь оказался совсем другим.

Учиться дальше мне не позволили. Отчим решил, что я должна идти работать. Мне было всего шестнадцать лет, но благодаря его связям меня устроили на завод, оформив так, словно я была совершеннолетней. Так я стала работать слесарем-сборщиком.

Пока мои сверстники думали о поступлении, студенческой жизни и будущей профессии, я каждый день ходила на завод. Работа была тяжёлой, но выбора у меня не было.

К тому времени и он, и его родители уже хорошо знали,

в какой семье я выросла.

Они знали про пьянство отчима.

Про постоянные скандалы.

Про бедность.

Про всё то, что я когда-то так старательно скрывала.

И если он видел во мне человека, которого любит, то его родители всё чаще смотрели на меня через призму моей семьи.

Но тогда мы старались не думать об этом.

По вечерам мы мечтали. Как и многие молодые влюблённые, представляли нашу будущую жизнь. Говорили о свадьбе, о собственном доме, о детях. Нам казалось, что стоит только дождаться моего восемнадцатилетия, и мы наконец сможем начать самостоятельную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.